

А. Б. Туманова

Казахстанско-Британский технический университет

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Досліджується проблема виразу мовної особистості в національній (контамінованій) мовній картині всесвіту письменника-білінгва. На основі художніх дискурсів російськомовних письменників Казахстану розглядаються образні порівняння, аналізуються їхні особливості, на підставі чого образні порівняння інтерпретуються як показники національного менталітету.

Исследуется проблема выражения языковых особенностей в национальной (контаминированной) языковой картине мира писателя-билингва. На основе художественных дискурсов русскоязычных писателей Казахстана рассматриваются образные сравнения, анализируются их особенности, что позволяет интерпретировать образные сравнения в качестве показателей национальной ментальности.

The problem of expression of linguistic personality is probed in the national (contaminated) linguistic picture of universe of a bilingual writer. On the basis of artistic discourses of the Russian-language writers of Kazakhstan imagery comparisons are examined, their features on the basis of which imagery comparisons are determined as indexes of national mentality are analyzed.

На протяжении веков существовало и существует взаимодействие человека и природы, человека и общества. Для казахского общества, как неоднократно отмечают исследователи, был характерен кочевой образ жизни, что повлияло на формирование национального характера, условий быта, нравственность, отношения между членами языкового сообщества и т. д. и что в обязательном порядке учитывается писателем-билингвом в силу его национальной ментальности, в которой он жил и воспитывался, независимо от языка общения. В связи с этим возникает вопрос: в каких случаях может появиться потребность у говорящего / пишущего дать с помощью различных языковых средств собственную оценку изображаемому событию, явлению, факту и каким образом эти единицы языка освещают «лик» самого говорящего / пишущего? В художественном тексте присутствие субъекта речи не ощущается в неавторизованных высказываниях. В авторизованных высказываниях наряду с действующими лицами персонифицируется и повествователь, который является одним из проявлений «образа автора» [3; 6; 7 и др.].

Замечено, что основная идея произведений подается писателями-билингвами чаще всего прямо, непосредственно: через сентенции или же вкладывается в речи персонажей. Жизненный материал проходит через восприятие писателя и его собственную, индивидуальную картину мира в соответствии с основной целью, требованиями времени и законами жанра. Иногда художественная правда, созданная благодаря творческому вымыслу автора, может быть ярче и выразительнее, чем правда документальная. Поэтому проблема диалектического единства исторической правды и правды художественного вымысла стоит и перед каждым писателем, в частности и перед писателем-билингвом, творящим на русском языке.

Анализ художественного дискурса русскоязычных писателей Казахстана показал, что портретные описания скупы по сравнению с показом персонажей через их мысли, рассуждения, действия и поступки. Отсюда и непропорциональность объема информации, данной писателями в повествовании, рассуждении, описании.

А это в свою очередь приводит к неравномерности использования в художественных произведениях писателя-билингва (в нашем случае – казаха по национальности) форм изложения речи: собственно авторской (АР), несобственно-прямой (НПР) и прямой речи (ПР). В художественном дискурсе казахстанских писателей-билингвов выпукло представлены собственно авторское повествование, которое идентично речи повествователя (так называемая языковая «маска» образа автора), близкого биографической личности писателя и НПР с ее разновидностями, с преобладанием АР, а иногда с преобладанием внутренней речи персонажей.

Особое место в исторической организации художественного произведения занимает НПР, хорошо исследованная на основе русского языка такими учеными, как Н. С. Поспелов, Л. А. Булаховский, Л. А. Соколова, Н. А. Кожевникова, В. Л. Ринберг, Н. Ю. Шведова и др. НПР формально входит в состав АР, но представляет собой чужую речь как в плане лингвистической выраженности, так и в плане семантики. В обычный поток авторского повествования вливается особая субъективная струя, выражающая характерные особенности речи конкретного персонажа. НПР нами рассматривается шире, как семантико-синтаксическая категория, включающая внутреннюю речь персонажа, отчего она становится богаче, а речь повествователя естественнее, выразительнее [9].

Цель данной статьи – пронаблюдать за функционированием образных сравнений в художественном дискурсе русскоязычного казахстанского писателя-билингва, выявить особенности их употребления и определить их как способы выражения национального сознания, национального менталитета в контаминированной языковой картине мира художника слова. Материалом для анализа послужили художественные произведения современных казахстанских писателей А. Алимжанова, С. Санбаева, Б. Джандарбекова, А. Жаксылыкова и др.

Результаты исследования показали, что в образных сравнениях в особой творческой форме отражаются не только особенности жизни и быта кочевого народа, но и специфика его психологии, мировоззрения, характера / нрава, нравственных ценностей. Для отображения данного процесса в исследовании нами введено новое понятие – контаминированная (негомогенная) национальная языковая картина мира как зеркало национальной картины мира писателя-билингва. В нашем понимании это особая языковая картина русскоязычного писателя-билингва, в которой отображается реальная казахская действительность, национальный менталитет, национальная культура (обычаи, традиции и т. п.) казахского народа, языковая ментальность представителя казахского этноса на русском (втором родном) языке, который является неотъемлемым компонентом другой культуры – культуры русского народа.

Исследуя особенности функционирования языковой единицы, мы останавливались на понятии ‘степь’. Результаты нашего исследования позволили определить круг устойчивых образных сопроводителей слова *степь*, признанной нами доминантой, идиоэтническим концептом. Троп структурирован на базе тех параллелей, которые заданы основными семантическими сферами «Человек», «Вещный мир», «Природа». Это наименования животных и птиц степного (диктумного) пространства: *джейран, сайгак, шакал, пантера, рысь, лиса, овца, верблюд, архар, крот, суслик; коршун, орел, беркут, фазан, куропатка, улар* и т. д., в процессе авторского повествования приобретающие модусный характер. Ср.: «*Нет, я думал о другом... надо вырвать когти и зубы у пантеры – поссорить Рустама с Томирис! Беззубая хищница жалка и неопасна*» [4, с. 39]; «*Зачем к нему пожаловал этот коварнейший из людей – помесь лисицы и змеи*» [4, с. 20].

В истории казахского народа известно деление на жузы: старший, средний и младший. В тяжелые для страны времена остро вставала необходимость объедине-

ния постоянно враждующих казахских племен (то из-за места пастбища, то из-за расположения зимних и летних стоянок и т. д.), что всегда было на руку завоевателям различного типа. Так, в разговоре с сельчанами персонаж романа Нуржан говорит о необходимости объединения племен следующим образом:

– *Когда приходит беда, даже волк не задирает овцу – они спасаются вместе.... Я не волк, и ты далеко не безобидная овца, Адайбек. Пришло время, когда о былых ссорах надо позабыть и думать о единстве. Ты знаешь, что нас всегда губили разногласия* [8, с. 313].

Как видим, в приведенном фрагменте использованы сравнения человека и его отношений с другими людьми, как волка и овцы. На наш взгляд, эти сравнения понятны, наглядно аргументированы и стилистически мотивированны, так как они вытекают из образа жизни степного народа.

Приведем фрагмент, иллюстрирующий образное употребление слов *овца*, *волк*, *шакалы* и др. Ср.: «**Но волк – не овца. Не жить степному орлу в неволе! Наше терпение иссякло, и мы начинаем борьбу с Томирис за свободу и священные права, которые она попрала. Не бывать в степных просторах каменным городам и не будет вольный кочевник, как земляной слепой крот, ковырять священную землю!**» [4, с. 58]; «**Мы, как стадо перепуганных овец, бежим по степи от волчьей стаи джунгар**» [2, с. 9]; «**О, проклятие вам ханы, султаны, как шакалы, раздирающие на части свою землю, свой народ...**» [2, с. 9–10].

Всепроникающая доминанта «степь» определяет троп, элемент национального, выражает детализированный объект сравнения: как стадо перепуганных овец; как шакалы, раздирающие на части свою землю и др.

Выделяется круг устойчивых опорных слов для образования тропов. Особое место среди опорных образных операторов занимают наименования домашних животных *овца*, *верблюд*, *собака*. В соответствии с их повадками и действиями характеризуется и оценивается тот или иной персонаж, при этом моментально возрастает степень точности передачи смысла, образности в повествовании. Например: «**По сравнению со своим чадом коварный Спаргапис был невинным ягненком!**» [4, с. 80]; «**Я никогда не унижусь, подобно Томирис, до связи с подлым рабом! Но если это нужно для возвышения рода Шапуров, то позволь мне, отец, поиграть с этим красавчиком и бросить его к твоим ногам, как связанного барана, покорным и смиренным**» [4, с. 64]; «**Все смешалось. Никто не цадил никого и не ждал пощады сам. Два войска уперлись, как горные архары рогами, лоб в лоб**» [4, с. 58].

В следующих фрагментах актуализируются наглядно-образные сравнения такого типа, как *смотреть собачьими глазами*, *вцепиться волчьей хваткой*, *есть с волчьим аппетитом*, *обладать змеиной живучестью* и др., характеризующие модусное пространство художественного текста писателя-билингва, детерминированное образом жизни этноса, к которому он принадлежит. Ср.: «**И когда царственная жена кричит на неустрашимого воина, тот лишь смотрит на нее собачьими глазами, не смея и слова сказать в свое оправдание**» [4, с. 39]; «**Только не смирилось мое сердце, клоочет во мне кровь, гневом разливается. Нет никаких сил смотреть на то, как крепнут, тучнеют виновники моего горя, как наливаются жиром их загривки. Любая злоба ест душу. Нет прежнего Букабая. Настанет час, волчьей хваткой вцеплюсь им в горло. Уж я-то всему веду счет**» [5, с. 84]; «**...и неприхотливый, он (Зогак – брат Рустама. – А. Т.) ночевал в дымных хижинах пастухов, в дырявых юртах табуничиков, с волчьим аппетитом вонзал свои мелкие острые зубы в свежий овечий сыр или в черствую лепешку, испеченную на углях... Испытания, выпавшие на его долю, выковали из него человека сильной воли, жизненной стойкости, змеиной живучести, и там, где другой бы сломался, он, подобно де-**

реву пустыни – саксаулу, гнулся под напором песчаных бурь, самумов, смерчей, гнулся, но не ломался» [4, с. 43; 45].

Результаты анализа лексического состава сравнений позволяют утверждать, что образуется неразрывная образная цепочка *степь – верблюд – человек*. Текстовая семантика лексической единицы *верблюд* позволяет говорить о национальной специфике образных смыслов, связанных с данным словом. *Верблюд* в сознании казаха – неуклюжее животное. Неуклюжесть животного «переносится» на человека подобно тому, как в русском языковом сознании на человека переносится неуклюжесть медведя. Так возникает метафорический эпитет «*верблюжья походка*»: «*Своей верблюжьей походкой он (Жакып. – А. Т.) шагал вокруг загона, поправляя покосившиеся столбы»* [2, с. 45].

Связь человека и верблюда лежит в основе значительного количества метафор и сравнений: «*Что это? У-Ух, – вздохнул Санжар. – Наша дармина... Здесь нет такой травы.... Вот теперь я вспоминаю свой аул, свою первую стоянку, как тот старый верблюд, которого беспокоит самка...*» [1, с. 93].

Положительный эмоционально-оценочный компонент содержится в тропе: *Красавица в шароварах из тонкого шелка встретила их ласковым взглядом, и глаза у нее были чистые и влажные, как у верблюжонка* [2, с. 72].

Сравнение часто включает детализированный объект, и детализация осуществляется с помощью казахизмов. Например: «*Два моих сына похоронены в родной земле, а третий убит в зиндане хивинского хана. И я, как обезумевший бура, ныне кружусь по Мангыстау и по Усть-Урту вокруг дорогих могил»* [2, с. 112].

Детализированный объект «*старый обезумевший бура*» включает национально-специфический семантический компонент. Горе человека, потерявшего всех своих сыновей, беспредельно, невыносимо до боли. Не случайно этот старый человек ассоциируется с *бура – верблюдом*. Тропы, связанные с таким наименованием домашнего животного, как *верблюд*, отражают особенности национального мировосприятия, национального сознания и также подтверждают контаминированную языковую картину мира писателя-билингва.

Остановимся еще на одном, на наш взгляд, немаловажном моменте: в сравнительные конструкции вводятся названия всем известных предметов быта и труда, названия овощей и т. д., характерные для картины мира и кочевого и оседлого образа кочевого народа. Это такие слова (и образованные от них обороты), как *стрела, волосок, войлок, петля, аркан; дыня, чеснок* и т. п., которые придают особый эффект авторской речи, речи персонажей. Ср.: «*А у правителя кочевников под прозрачной властью был народ-воин, где различие между воином и простым кочевником было тоньше волоска»* [4, с. 28]; «*Вытесанный из целого дерева шест для царского бунчука, воткнутый у входа в белоснежную юрту, отсюда казался не толще гибкой сакской стрелы»* [4, с. 30]; «*В полном беспорядке массагеты, внезапно повернув назад двумя по-змеиному гибкими лавами, захлестнули, словно арканом, все хорезмийское войско, завершив полное окружение»* [4, с. 79]; «*Ведь вожди, как петлей, своими дружинами захлестнули мой стан! И не решились. Почему же? Их что-то удерживало, что-то удержало...*» [4, с. 30]; «*Да кто в степи не знал, что «железотельный» и «непобедимый» Рустам – войлочная подстилка для ножек Томирис»* [4, с. 39].

Приведем примеры употребления различного типа сравнений, при помощи которых характеризуются черты персонажей, сближающие особенности поведения человека с особенностями поведения животных, с их повадками. Например:

– *Разве можно запретить козлородому Скитуру, влюбленному ослу Михрабу и надменному, как верблюд, Бевараспу выделить добровольно по тысяче воинов из собственных дружин?* [4, с. 38].

– Это я подняла людей аула. Чтобы поставить вам дом, я дала вам домашнюю утварь, постель, посуду, чтобы жили вы по-человечески. И после всего этого ты поворачиваешься ко мне задом, словно сытая скотина [5, с. 54];

Букабай притих, втянул голову в плечи, как больная птица, безучастным взглядом уставился на разбухающий бугор дороги [5, с. 71].

Очень наглядно, на наш взгляд, представлены использованные сравнения с камнем:

Худой старик рассмеялся дребезжающим смехом. Землистое лицо его сморщилось, стало **похоже на спекшийся черный камень** [8, с. 344].

Особенно ярко проявляется авторское мировосприятие при описании степи, неба, солнца, звезд, гор, того или иного образа в авторских интенциях, в которых отражается национальное сознание, знание особенностей своей национальной картины мира. Ср.:

В Тайсойгане уже стояла настоящая осень. По небу неслись бесконечные, с рваными потрепанными краями **облака, похожие на клочья свалявшейся шерсти**. Ветер то бесцельно разрывал их, то соединял вновь и другой фрагмент: **Солнце долго кувыркалось в небе, ржало, отбивалось от клыков облака** [5, с. 58]. Здесь облака сравниваются с клочьями шерсти, с клыками невидимого зверя.

Степь лежала громадным **лягушачьим зверем**. Подставляя хребет и бока робкому еще солнцу; **Сугробы** лежали в степи молчаливые, настороженные. Словно большие **белые звери, стерегущие тишину** [5, с. 56; 68] – эти фрагменты позволяют увидеть степь и сугробы в качестве зверей. А в следующих фрагментах писателя-билингва оживляют время, утесы, горы, сравнивая их с птицей степей – беркутом, с архаром. Ср.: «Громадный **утес Караюкы** вдруг превратился в **беркута, тяжело парящего над хаосом ущелья; Пугливое время** несло **архаром**» [5, с. 85; 86].

У русскоязычного писателя-казаха и звезды и камни ассоциируются с близкими с детства понятиями, такими, как табун, стадо, караван. Например: «**Великое вечное кочевье звезд** уходило в небесные глубины. Тянулось безвозвратным **караваном; Камни черным табуном** ринулись за ним вверх, туда, где на вершине утеса царственно стоял Белый архар» [5, с. 84; 85].

Интересно отметить, что в обычной практической деятельности, в мыслях и речи персонажей в художественном тексте приводятся обычные, житейские наблюдения, сравнения, связанные с картиной мира. Например, в НПР: «Дело в том, что дали ему старую полуразбитую машину. А это все равно что **конь со сбитыми копытами – далеко не уедешь; «Весишь ты побольше хорошей коровы. Если бы вылезла, милая, из автобуса, он полетел бы как перышко», – очень хотелось сказать ему женщине**» [5, с. 74; 80]. А также в АР: «**Лишь к утру затих ветер, приносящий воспоминания, всю ночь гудел он, словно огонь в самоварной трубе**» [5, с. 43].

Таким образом, результаты нашего исследования позволили сделать следующий вывод, что использованные в художественном тексте русскоязычного писателя-билингва сравнения различного типа (сравнения персонажей, их характеров, действий и поступков с животными и их повадками, с предметами окружающего мира, с обычным, житейским опытом казахского народа и т. п.) отражают особенности национального мировидения, мироощущения, мировосприятия, специфику национального сознания языковой личности пишущего / говорящего. На наш взгляд, в результате такого творческого отображения действительности создается особая языковая картина мира, названная нами контаминированной языковой картиной мира русскоязычного казахского писателя-билингва [9; 10].

Библиографические ссылки

1. Алимжанов А. Возвращение учителя / А. Алимжанов. – М. : Советский писатель, 1979.
2. Алимжанов А. Стрела Махамбета / А. Алимжанов. – М. : Известия, 1972.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1980.
4. Джандарбеков Б. Томирис / Б. Джандарбеков. – Алма-Ата : Жалын, 1981.
5. Жаксылыков А. Белый архар / А. Жаксылыков // Окно в степь. – Алма-Ата, 1987.
6. Кожевникова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа / Н. А. Кожевникова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М., 1977.
7. Новиков Л. А. Категория автора как детерминанта художественного текста / Л. А. Новиков // Структурно-семантический анализ художественного текста : сб. науч. трудов. – Харьков, 1989.
8. Санбаев С. Дорога только одна / С. Санбаев. – М. : Молодая гвардия, 1974.
9. Туманова А. Б. Языковые средства выражения авторизации в художественном произведении : дис. канд. ... филол. наук / А. Б. Туманова. – Алматы, 1994.
10. Туманова А. Б. К вопросу о менталитете и ментальности / А. Б. Туманова // Русский язык и литература в XXI веке : теоретические проблемы и прикладные аспекты : сб. науч.-метод. матер. I Междунар. конгресса. – Москва–Астана, 2007.

Надійшла до редколегії 25.03.08

УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.2'373.2

И. И. Турута

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (на примере паремий русского и украинского языков)

Досліджуються у порівняльному аспекті російські та українські паремії з онімним компонентом, виявляються типи онімних одиниць, склад паремійного антропонімікону, функції антропонімів у пареміях, їх роль у відображенні національно-мовної картини світу.

Исследуются в сопоставительном аспекте русские и украинские паремии с онимным компонентом, определяются типы онимных единиц, состав паремического антропонимикона, функции антропонимов в паремиях, их роль в отображении национально-языковой картины мира.

The Russian and Ukrainian proverbs with an onym component are probed in a comparative aspect, the types of onym units, composition of proverb anthroponymicon, functions of anthponyms, and their role in representing the nationally linguistic picture of the world are discovered.

В последнее время в лингвистике широкое распространение получило исследование отражения культурного кода, «национального образа мира» [4], национального менталитета [6; 11] в текстах разных типов (фольклорных, художественных, публицистических), различных исторических периодов, а в целом – выявление национально-языковых особенностей на примере конкретных единиц языка (от лексем до синтаксем).

В кругу данных работ особое место занимают исследования различных фольклорных жанров (сказок, песен, былин, паремий и др.) как самых первых фик-